

УДК 281.93(517.3)

ПЛЕХАНОВА Анна Максимовна — доктор исторических наук, доцент; ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; plehanova.am@mail.ru)

КОРНИЕНКО Николай Николаевич — аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; niknik-84@mail.ru)

ПРАВОСЛАВНОЕ МИССИОНЕРСТВО В МОНГОЛИИ

Аннотация. В статье представлен анализ исторического опыта и современного состояния православного миссионерства в Монголии. Выявлено, что на всем протяжении присутствия Русской православной церкви (РПЦ) в стране христианизация традиционно буддийского монгольского населения, коренизация православия, идентификация с местными жителями, укоренение в их культуре имели низкую результативность. Доказано, что объективной реальностью деятельности РПЦ выступает религиозная составляющая, заключающаяся в окормлении русскоязычного населения в условиях проживания вне границ конфессионального пространства России. Авторы выявляют наличие недостатков в модели государственно-церковных отношений в современной Монголии.

Ключевые слова: Русская православная церковь, миссионерство, Монголия, Свято-Троицкий приход

В последние годы в результате продвижения христианских (католических, протестантских, православных) церковных структур заметна «новая волна» трансляции христианства в странах, для которых исторически оно является нетрадиционной религией [Дацышен 2007; Митьпова 2011]. В этих государствах идет активный процесс правового и организационного закрепления церковных структур: создаются общины, строятся храмы, издаются журналы и газеты, интернет-пространство активно наполняется новостями о приходской жизни, посвящаются новые священнослужители из числа местного населения, ведется, согласно концепции евангелизации, социальная работа. В связи с этим возникает необходимость более глубокого исследования исторического опыта деятельности миссионеров, в т.ч. православных, в нехристианских странах.

Значительный интерес в данном контексте представляет Монголия, куда православие проникло не насильственным путем, а как органичная часть русской дипломатической миссии. Однако даже сегодня следует констатировать отсутствие четкой позиции в определении характера и глубины взаимодействия государственной и церковной политики. С одной стороны, по свидетельству профессора МГИМО В.С. Плаголева, «профессиональный характер иркутской миссии и ее ответвлений, ее лингвистическая и дипломатическая работа не оставляют сомнений в теснейшем взаимодействии государственно-политической и церковной политики» [Плаголев 1998: 34]. С другой стороны, глава отдела внешних церковных сношений Московского патриархата митрополит Кирилл (Гундяев) (ныне — Святейший Патриарх Московский и всея Руси) говорил о том, что «целенаправленной заграничной православной миссионерской деятельности в РПЦ не существовало — имело место естественное движение Церкви вместе с русскими землепроходцами» [Кирилл (Гундяев) 2001: 70].

Начало миссионерской деятельности Русской православной церкви (РПЦ) в Монголии было связано с появлением на ее территории русских купцов и торговых поселений и открытием в 1861 г. русского консульства в Урге (ныне — Улан-Батор), что стало возможным благодаря подписанию китайско-русского

Пекинского договора (1860 г.) и Правил сухопутной торговли (1862 г.). С открытием консульства началось строительство консульского поселка, в котором постоянно проживали от 40 до 100 русских, а также бурят – выходцев из Забайкалья и Иркутска. Уже в 1863 г. генеральный консул Российской империи в Урге Я.П. Шишмарев поставил вопрос перед иркутским архиереем о необходимости постоянного присутствия в Урге священника для духовного окормления православных и строительства храма [Шастин 1895: 325]. В Монголию был послан верхнеудинский священник Иоанн Никольский, которому было дано особое поручение: «собрать нужные сведения о возможности учреждения православной миссии в Монголии» [Никольский 1883: 160]. Вскоре при консульстве был построен небольшой православный храм в честь Святой Троицы с целью окормления членов российского консульства, сопровождающих их казаков, русских купцов и всех других православных граждан, проживающих в Монголии. Уже 22 марта 1864 г. была отслужена первая Божественная литургия. Однако в течение почти 30 лет при церкви не было постоянного священника. Лишь 4 сентября 1893 г. решением Священного синода настоятелем консульского храма Живоначальной Троицы был назначен священник Николай Шастин, после чего там стали проводиться постоянные богослужения.

Российское влияние в регионе усилилось после обретения в 1911 г. Внешней Монголией автономии, заметно оживилась и деятельность РПЦ. По мнению современных исследователей, именно благодаря значительной помощи со стороны России Монголия сумела добиться широкой внутренней автономии в составе Китая и оградить собственную территорию от прямой китайской колонизации [Современные ... 2013: 48].

В это время приток русских в страну богдо-гэгэна увеличился с 1,5 тыс. до 5 тыс., причем на Ургу приходилось 3 тыс. чел. Появились часовни в г. Маймачене (Алтан-Булаке) и Улясутае. Встал вопрос и о строительстве часовни или молебного дома в другой русской колонии – в г. Кобдо. В районе оз. Хубсугул был открыт миссионерский стан, имевший постоянные связи с Ниловой пустыней – миссионерским монастырем Иркутской епархии [Поздняев 1998: 282]. «Ургинские консулы хорошо понимали деловые и бытовые нужды духовенства и стремились содействовать созданию духовного комфорта для священнослужителей, хотя решение этих вопросов было сложным в бюрократическом отношении» [Андреев 2003: 118].

Вторым настоятелем Ургинского Свято-Троицкого прихода стал назначенный летом 1914 г. иркутский священник Феодор Парняков. Сохранился его рапорт иркутскому епископу сразу же по его прибытии в Ургу, где он, в частности, пишет: «Худшая часть [русского] населения, находясь в близком соприкосновении с приезжими, шатка в нравственном отношении. <...> В Урге нет общественной библиотеки, читальни, чтений, собраний, которые бы объединяли русское население на почве религиозно-нравственной и культурной. ...Вообще русская колония в Урге есть случайное собрание разного рода люда, преимущественно коммерческого, проникнутого эгоистическими стремлениями к обогащению за счет доверчивых монголов... Общим вопросом, объединяющим до некоторой степени прихожан Ургинской церкви, является вопрос о постройке нового храма. В последнее время этот вопрос был предметом усиленных суждений и разговоров. Сделана закладка храма с водружением креста. Собирались кой-какие средства. На этом дело постройки храма и остановилось»¹.

По инициативе Ф. Парнякова с целью организации приходской жизни в

¹ *Официальный сайт Свято-Троицкого прихода.* г. Улан-Батор. Доступ: <http://www.pravoslavie.mn/istorprav.html?did=80> (проверено 11.05.2016).

Монголии было создано Ургинское приходское попечительство. Деятельность отца Феодора не ограничивалась пределами Урги, он часто совершал поездки в самые отдаленные районы Монголии. Однако монгольское население не спешило принимать православие. Вот как это объяснял настоятель: «Вследствие слепой преданности своему духовенству и бдительного надзора со стороны последнего, а также особенного уклада общественной и частной жизни монголы не проявляют склонности принимать христианскую веру» [Парняков 1915: 54].

Революция 1917 г. способствовала росту нестабильности в жизни русской колонии в Монголии. В период нахождения в Монголии барона Р.Ф. фон Унгерн-Штернберга проблема институционального становления РПЦ и взаимодействия с властными органами привела к изменению параметров светско-религиозного взаимодействия. Причем духовенство в лице священника Феодора Парнякова распространяло «модернистские» на тот момент взгляды в религиозной среде. Так, например, священнослужитель совершал богослужение не в храме, а в здании местного училища, украшенного красными флагами и большевистскими лозунгами. Русские жители, которые проживали в Урге, обвиняли священнослужителя в связях с китайцами и в том, что он отказывался помогать арестованным русским офицерам. В феврале 1921 г. по приказу барона Унгерна Ф. Парняков был расстрелян.

В 1924 г., после смерти монгольского политического и религиозного лидера богдо-хана (Богдо-гэгэна VIII) Монгольская Народная Республика превратилась в светское государство. Православные верующие до мая 1923 г. совершали богослужения в консульском храме. В конце мая 1923 г. Ургинская церковь и принадлежащие ей дома были закрыты. Иконы, книги, престол, жертвенник и другие богослужебные предметы были перевезены в частный дом, который арендовала православная община. Изменение режима и формы власти, как и статуса государства, трансформация морально-ценностных ориентиров заставили представителей РПЦ думать не только о существовании в новых условиях, но о выживании, даже ценой компромисса.

Последние сведения о храме в столице Монголии относятся к 1927 г. В фонде редких документов Национального музея Республики Бурятия хранится указ преосвященного Евсевия (Рождественского), епископа Забайкальского и Нерчинского и телеграмма патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) о завершении деятельности живоцерковников.

Последующие социалистические преобразования в Монголии положили конец любым попыткам распространения православия в стране. Особая форма секулярных процессов и искусственная эмансипация социального бытия от влияния религии, присущие авторитарной системе, сложившейся в СССР, определяли аналогичную церковно-религиозную ситуацию в Монголии в 1920-х – начале 1980-х гг. Насаждение воинствующего атеизма в стране, где все население позиционировало себя как верующих, смотрелось весьма странно [Лиштованный 1998: 3]. Поэтому очевидно, что устранение государственного принуждения во второй половине 1980-х гг. вызвало активизацию церковного фактора в общественном сознании, распространение религиозных ценностей и представлений, значительный подъем общественного авторитета религии в начале 1990-х гг.

Религиозное возрождение и церковный ренессанс в условиях современного Монгольского государства привели к изменению социального статуса церкви. Согласно принятой 13 января 1992 г. Конституции, в Монголии была провозглашена свобода вероисповедания. В 1995 г. группа пожилых граждан Улан-Батора из местной русской общины обратилась через Общество российских граждан к официальным лицам российского МИДа с просьбой оказать содей-

ствии в деле восстановления православного прихода в Монголии. 27 ноября 1996 г. в Министерстве юстиции была зарегистрирована православная община, а 16 марта 1997 г. в столице Монголии после 70-летнего перерыва была отслужена Божественная литургия. 19 января 1998 г. в Улан-Батор прибыл новоназначенный настоятель Свято-Троицкого прихода протоирей Анатолий Фесечко, который возглавлял приход до июня 2005 г. Накануне его приезда 29 декабря 1997 г. российская компания ОАО «Внешинторг» передала здание на территории торгпредства в пользование Русской православной церкви. Так Троицкий приход в Урге обрел второе рождение.

Летом 2001 г. Свято-Троицкий приход посетил председатель отдела внешних церковных сношений Московского патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев), который совершил закладку первого камня в основание будущего Свято-Троицкого храма. Завершилось строительство церкви в 2009 г. Великое освящение совершил преосвященный Марк (Головко), епископ Егорьевский, глава секретариата Московской патриархии по зарубежным учреждениям. В богослужении участвовали многочисленные верующие различных национальностей: русские, украинцы, белорусы, сербы, болгары, греки, буряты, монголы. Богослужение совершалось на церковнославянском и монгольском языках. Пел хор Свято-Троицкого храма г. Улан-Батора, состоящий в основном из монгольских певчих.

В настоящее время на территории Монголии по-прежнему не существует иных приходов православных церквей, кроме Троицкого прихода Русской православной церкви в Улан-Баторе. От лица Троицкого прихода действует православная община в г. Эрдэнэте (15–20 чел.). В общей численности населения Монголии (3 млн чел.) – это 0,01%¹.

Ввиду немногочисленности прихода, непостоянности его состава, а также невозможности его самофинансирования структура прихода носит характер миссионерского центра. Во главе прихода находится Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Управление приходом осуществляется Управлением по зарубежным учреждениям Русской православной церкви во главе архиепископом Марком Егорьевским. Настоятель (с июня 2005 г. по настоящее время – протоирей Алексей Трубач) в соответствии с благословлением священноначалия осуществляет богослужебную, миссионерскую и социальную деятельность прихода в Улан-Баторе.

Взаимоотношения прихода с представителями монгольских властей в основном строятся через посольство России. В 2010 г., после прихода к власти Демократической партии во главе с Ц. Элбэгдоржем эти отношения несколько ухудшились, но с середины 2014 г. наблюдается положительная динамика их развития. Так, на праздновании 75-летия победы на Халхин-Голе в сентябре 2014 г. настоятель прихода А. Трубач был награжден памятной медалью Министерства обороны Монголии. В мэрии был положительно решен вопрос о продлении аренды земли под русское кладбище в Улан-Баторе, осуществляются постоянные встречи с представителями власти на приемах в посольстве России.

Православная церковь в Монголии является одним из активных субъектов общественной жизни. В то же время даже сегодня следует констатировать наличие некоторых сложностей в модели государственно-церковных отношений в современной Монголии. Так, например, положение православной общины в Монголии мало чем отличается от положения христианских сект. Согласно действующему законодательству Монголии о религиозных организациях, офици-

¹ Трубач А. Отчет о жизни и деятельности Свято-Троицкого прихода г. Улан-Батора (Монголия) за 2014 г. (предоставлен настоятелем Свято-Троицкого прихода г. Улан-Батора протоиереем Алексеем Трубачом).

ально признанным в стране буддистским, шаманским и исламским организациям не требуется ежегодное продление регистрации в мэрии г. Улан-Батора. А получение такого разрешения православным приходом является обязательным и занимает почти полгода.

В течение года при Троицком приходе духовно окормляются около 200–300 чел. Богослужение по воскресным дням посещают от 40 до 70 чел. Состав прихожан – русские, украинцы, белорусы, сербы, грузины, монголы. Это либо постоянные жители Монголии, либо приезжие специалисты, дипломаты, бизнесмены, служащие.

Значительную роль в укреплении взаимоотношений прихода Свято-Троицкого храма с монгольским обществом играют детско-юношеская художественная школа «Анима», а также спортивные секции в спортзале прихода. В целом эта отчасти коммерческая деятельность прихода формирует положительный социальный фон.

Помимо удовлетворения духовных нужд русского населения Монголии, Свято-Троицкий приход ставит и сугубо миссионерскую задачу – пропаганду вероучения в среде монгольского населения. Однако достигнутые успехи совершенно незначительны. Это связано с тем, что, во-первых, православная община обладает гораздо меньшими возможностями, в т.ч. и финансовыми; во-вторых, РПЦ категорически не приемлет методы, активно используемые другими христианскими организациями для обращения монголов в свою веру; в-третьих, задача обращения всего монгольского населения в православие не ставилась изначально. Серьезным препятствием является незнание монгольского языка, в то время как большинство католических и протестантских священников свободно владеют им.

Масштабы православной миссии несопоставимы с католической и протестантской. Так, в современной Монголии насчитывается более 100 протестантских церквей, объединенных в «Союз евангелистов», численностью около 35 тыс. чел. [Ванчикова, Цэдэндамба 2014: 71]. Успехи католиков и протестантов в виде десятков тысяч обращенных связаны с их социальной активностью, подпитываемой значительными финансовыми вливаниями со стороны Папского престола и протестантских обществ. Помощь бездомным, малоимущим, больным, заключенным, содействие монгольской молодежи в изучении английского языка, в получении образования в западных университетах и т.д. положительно воспринимаются частью монгольского населения. Использование нужд и потребностей местного населения для привлечения новых последователей продиктовано, во-первых, стремлением западных держав создать некую промежуточную прослойку из местного населения, которая, «усвоив ценности европейской культуры, должна стать их опорой», и, во-вторых, с желанием «Ватикана упрочить свои позиции с помощью создания местных церквей» как составных частей Римско-католической церкви¹.

В целом же Монгольское государство достаточно веротерпимо. С 2007 г. все религиозные организации были освобождены от налога на прибыль.

Таким образом, миссионерская деятельность Российской православной церкви в Монголии как в имперский период, так и в настоящее время не преследует внешнеполитические цели в качестве приоритетных: в условиях проживания в Монголии – вне границ конфессионального пространства России – преимущественно окормляются россияне, оказавшиеся за ее пределами [Арзуманов 2008: 489]. И в этом заключается одно из главных отличий видения предназначения церкви в странах Азиатско-Тихоокеанского региона католическими и протестантскими организациями.

¹ *Христианство*: словарь (под общ. ред. Л.Н. Митрохина и др.). 1994. М.: Республика. С. 280.

стантскими миссионерами, с одной стороны, и православными – с другой. У первых религиозные институты стремятся выступать средством «консолидации нации» [Sarlagtay 2004: 326], для вторых объективной реальностью деятельности миссионеров выступает религиозная составляющая.

В современных условиях не наблюдается рост численности православного населения в Монголии. При этом православная церковь для большинства граждан остается обладателем традиционной русской духовной культуры, норм и правил поведения, а священнослужители – носителями и ретрансляторами идей общественно-политической жизни. При этом важно учитывать факт консервативности монгольского сообщества, где верующие буддисты и священнослужители выступают носителями определенных норм и правил поведения и взаимодействия с властными структурами.

Список литературы

Арзуманов И.А. 2008. Улан-Баторская община местнорусских в историко-религиоведческом контексте (XX–XXI вв.). – *Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования*: сборник научных статей. СПб: Нестор–История. С. 488–498.

Андреев А.И. 2003. Я.П. Шишмарев – дипломат, путешественник, исследователь Монголии. – *Mongolica*. Вып. VI. С. 118–121.

Ванчикова Ц.П., Цэдэндамба С. 2014. Религиозная ситуация в Монголии: 1990–2009 гг. – *Гуманитарный вектор*. № 3(39). С. 67–72.

Глаголев В.С. 1998. Характер и подвиг Святителя. – *Иннокентьевские чтения*. Чита.

Дацышен В.Г. 2007. *Христианство в Китае: история и современность*. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям. 240 с.

Кирилл (Гундяев), митрополит. 2001. Религия и дипломатия. Взаимодействие Отдела внешних церковных связей Московского патриархата с Министерством иностранных дел России. – *Церковь и время*. № 3(16). С. 70–85.

Лиштованный Е.И. 1998. *Россия и Монголия в XX веке: региональный опыт взаимоотношений (на материалах Восточной Сибири)*: автореф. дис. ... д.и.н. Иркутск. 39 с.

Митьшова Г.С. 2011. Православие в Юго-Восточной Азии. – *Вестник Бурятского государственного университета*. № 7. С. 166–171.

Никольский И. 1883. Записки о поездке русского священника в Монголию в 1864 г. – *Труды православных миссий Восточной Сибири*. Иркутск. Т. 1. С. 159–172.

Парняков Ф. 1915. Поездка священника по Монголии (из рапорта епископу). – *Забайкальские епархиальные ведомости*. № 2. 15 янв. С. 51–59.

Поздняев Дионисий (свящ.). 1998. История православной общины во Внешней Монголии. – *Материалы ежегодной богословской конференции православного Свято-Тихоновского института*. М.: ПСТБИ. С. 282–284.

Современные российско-монгольские отношения: модели и сценарии (отв. ред. В.А. Родионов). 2013. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та. 248 с.

Шастин Н. 1895. Возникновение и устройство православного храма при Русском Императорском Консульстве в Урге и торжество его освящения. – *Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям*. Иркутск. № 13. 1 июля. С. 325–333.

Sarlagtay O.M. 2004. Mongolia: Managing Transition from Nomadic to Settled Culture. – *The Asia-Pacific: A Region in Transition*. Honolulu: Asia-Pacific Center for Security Studies. P. 323–334.

PLEKHANOVA Anna Maksimovna, Dr.Sci.(Hist.), Associate Professor; Leading Scientific Researcher of the Department of History, Ethnology and Sociology, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (6 Sakhyanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; plehanova.am@mail.ru)

KORNIENKO Nikolai Nikolaevich, postgraduate student of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (6 Sakhyanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; niknik-84@mail.ru)

THE RUSSIAN ORTHODOX MISSIONARY ACTIVITY IN MONGOLIA

Abstract. *The article analyzes the historical experience and current status of Russian Orthodox missionary work in Mongolia. It was found out that throughout the Russian Orthodox Church's (ROC) presence in the country Christianization of traditionally Buddhist Mongolian population, entrenchment of Orthodoxy, identification with the local people and rooting in their country yielded poor results. At present, the Orthodox community in Mongolia is one of the smallest among all Christian confessions existing in the country. The author writes that the objective reality of the ROC activities is a religious component, consisting in the nourishment of the Russian-speaking population in conditions of residence outside the borders of Russian confessional space. The authors expose shortcomings in the model of the state-church relations in modern Mongolia.*

Keywords: *Russian Orthodox Church, missionary activity, Mongolia, Svyatotoitsky parish*

УДК 294.3

АЮШЕЕВА Дулма Владимировна – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; dulmaayush@yandex.ru)

ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ БУДДИЗМА В АВСТРАЛИИ И НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются и характеризуются важные этапы развития и дается анализ основных особенностей современного состояния буддизма в Австралии и Новой Зеландии, к которым относятся: акцент на созерцательные практики, равенство женщин, следование демократическим принципам, социальная вовлеченность, секуляризация, включающая рациональную природу буддизма и ее близость с западной наукой, а также связь с психологическими аспектами.*

Ключевые слова: *буддизм, буддийские организации, монастыри, тхеравада, махаяна*

Буддизм в Австралии и Новой Зеландии известен со второй половины XIX в., но социально значимым явлением для общества он стал в 70-х гг. XX столетия. Об этом свидетельствуют растущее из года в год число адептов, появление и активная деятельность многочисленных центров, буддийских школ и традиций. Сегодня, согласно переписи 2011 г., 2,46% населения Австралии и 1,4% Новой Зеландии считают себя приверженцами буддизма. По распространенности среди населения обеих стран буддизм занимает 2-е место после христианства.

75% его последователей в Новой Зеландии и 60% в Австралии являются выходцами из азиатских стран¹. Исследование этнической принадлежности буддистов

¹ Buddhism in Australia and New Zealand. Antipodean Dharma. URL: http://researchonline.jcu.edu.au/24816/8/24816_Barker_2011_Accepted.pdf (accessed 26.04.2016).